

ББК 63.0

В.П. Федюкин

К проблеме номологического единства истории

V.P. Fedyukin

To the Problem of the Nomological Unity of History

Исследуется возможность номологического единства истории. На материале философии истории XX в. автор выявляет и анализирует аргументы противников концепции исторических законов.

Ключевые слова: исторический закон, единство истории, автономный закон, судьба, культура, ценность, социологический закон, философия истории.

Проблема номологического единства истории едва ли когда-нибудь потеряет свою актуальность, поскольку прогнозирование исторического развития на основе открытых объективных закономерностей всегда представлялось весьма заманчивым, во всяком случае, для научного познания.

Теоретическое оформление данной проблемы, на наш взгляд, происходит вместе с появлением новой науки «философии истории» в XVIII в., когда делаются заявки на открытие ряда универсальных исторических законов. Среди них можно назвать законы прогресса человеческого разума (М. Кондорсе), единообразного развития всех наций (Д. Вико), трех стадий (А. Тюрго), необходимости и соответствия (И. Гердер) и др.

Шлейф открытий продолжается и в XIX–XX столетиях, давших миру таких выдающихся мыслителей, как К. Маркс (законы исторического материализма), О. Конт (закон развития человеческого интеллекта), В. Соловьев (закон развития), Н. Данилевский (законы культурно-исторических типов), А. Тойнби (закон вызова и ответа, закон компенсации), П. Сорокин (законы истории как повторяющаяся связь психофизических и интеллектуальных свойств самого человека [1, с. 519–520]).

Что касается состояния проблемы номологического единства истории в XX столетии, то здесь складывается достаточно интересная ситуация. Во-первых, не все сторонники единства истории признают объективные исторические законы (Н. Бердяев, К. Ясперс и др.). Во-вторых, возникает сомнение, что открытые прежде законы являются историческими, а не социологическими. Кстати говоря, в 60–80-е гг. в отечественной философии вспыхнула довольно масштабная дискуссия по вопросу о соотношении социологических и исторических законов, анализ

This article explores the possibility of nomological unity of history. On the material of the philosophy of history of the XX century author identifies and analyzes the arguments stated by the opponents of the concept of historical laws.

Key words: historic law, unity of history, autonomous law, fate, culture, value, sociological law, philosophy of history.

которой представлен нами в монографии «Горизонты философско-исторической рефлексии». В-третьих, формируется достаточно весомая оппозиция в лице Г. Риккерта, М. Вебера, О. Шпенглера, П. Сорокина, К. Поппера и многих других идей номологического единства всемирной истории, возможности ее закономерного объяснения. В-четвертых, возникает вопрос об адекватности эссенциалистского и инструменталистского взглядов на природу исторического закона.

Против номологического единства истории выдвигаются следующие аргументы. Во-первых, по мнению Г. Риккерта и М. Вебера, явления культуры не могут быть объяснены с помощью системы законов, поскольку являются результатом нашего ценностного отношения к миру, которым охватывается ничтожная часть социальной действительности. Закон же предполагает ее схватывание в целом. Следовательно, значимое для нас, т.е. культура, история, не совпадает с понятием закона.

Во-вторых, история занимается конкретными индивидуальными событиями (М. Вебер), представляет собой единичные индивидуальные ряды, исторические индивидуальности (Г. Риккерт), поэтому ее интерпретация в понятиях закона невозможна. Как подчеркивает П. Сорокин, подытоживая эту мысль, исторический закон не может быть определен в качестве закона связи неповторимых явлений [1, с. 518]. Даже если речь идет об историческом целом (совокупности единичных, индивидуальных рядов), то это целое, согласно Г. Риккерт, историческая наука всегда рассматривает не в плане общего, а в плане единственности [2, с. 197].

В-третьих, на взгляд Г. Риккерта, если в историческом процессе и возможно зафиксировать какие-то эмпирические связи, то отнюдь не закономерные,

а причинные (каузальные). Но причинные связи, если они вообще обладают эмпирической реальностью, суть части индивидуальной действительности. Законы же всегда общие, и поэтому они – лишь понятия. А иначе (при попытке их объективации, онтологизации) эти понятия превращаются в метафизические реальности [2, с. 198]. В целом, солидаризируясь с мнением относительно того, что каузальный вопрос – это вопрос не о законах, а о конкретных каузальных связях, М. Вебер, тем не менее, утверждает, что причинное объяснение индивидуального факта в принципе невозможно. Ведь «число и характер причин, определяющих какое-либо индивидуальное событие, всегда бесконечно, а в самих вещах нет признака, который позволил бы вычленив из них единственно важную часть. Мы вычленим лишь то, что соотносится с нашими ценностями» [3, с. 376]. В этом смысле уместно вспомнить риторический вопрос Н. Данилевского: на каком основании деление всемирной истории на древнюю, среднюю и новую связывается с падением Западной Римской империи, до которого не было никакого дела ни Китаю, ни Индии, ни соседним заефратским странам? [4, с. 80].

В-четвертых, в истории «развитие», как утверждает Г. Риккерт, всегда означает возникновение чего-то нового, в то время как термин «закон» фиксирует лишь повторяющуюся связь явлений, в силу чего эти понятия взаимно исключают друг друга [2, с. 196].

В-пятых, если рассматривать историю вообще, связывающую различные аспекты человеческой жизни и приводящую к множеству историй (политической власти, экономических отношений, математики и т.д.), то здесь, на взгляд К. Поппера, не может быть никаких унифицирующих теорий [5, с. 305–306]. Действительно, абсурдно было бы утверждать, что классовая борьба является движущей силой развития геометрии.

Однако даже если ограничиться какой-то отдельной историей, то и здесь любые сформулированные законы как системы общих понятий (Г. Риккерт, М. Вебер и др.) или интерпретаций (К. Поппер и др.) могут выступать лишь в качестве субъективных вспомогательных средств (которые всегда можно подвергнуть фальсификации) для упорядочивания и отбора исторического материала. Инструменталистский подход к пониманию природы исторического закона в силу весомости высказанных выше аргументов разделяется представителями различных философских традиций: неокантианства, экзистенциализма, постпозитивизма и т.д.

В-шестых, по мнению Н. Бердяева [5, с. 161] и О. Шпенглера [6, с. 212], настоящая история имеет судьбу, но никаких законов. Закон является характеристикой ставшего (природы), судьба – характеристикой становления (истории). Закон неподвижен, ограничен, подчинен числам. Он фиксирует количественные зависимости физических явлений, протекающих

в пространстве. Судьба – это выражение качественных зависимостей, связанных со становлением души во времени. Закон схватывается логически (в рассуждении) и оформляется через систему понятий. Судьба обнаруживается в интуитивном переживании, созерцании в формах шпенглеровского чувственного образа (портрет, традиция, музыка) или бердяевской веры (религиозного откровения).

Однако едва ли такое разведение судьбы и закона оказалось удачным. М. Вебер, например, указывает на относительность количественных и качественных связей, если оставить в стороне чистую механику. Ведь естественные науки также не могут обойтись без качественного аспекта, как и науки о культуре без количественного (например периодическая таблица Д. Менделеева и количественные методы в социологии, политэкономии).

В свою очередь, П. Сорокин не видит разницы между такого рода определением судьбы и понятием автономного закона, с железной необходимостью правящего миром. Однако наличие такого мирового закона не доказуемо, но всегда постулируется, допускается метафизиками различного толка в качестве всеобщей необходимости. Следовательно, попытка доказать существование автономных законов (судьбы) невозможна и вполне напоминает попытку вытащить себя самого за волосы из болота [1, с. 516].

Интересно то, что спустя тридцать с лишним лет П. Сорокин оказался менее категоричным в определении статуса общего в истории, дойдя до очевидной философской мысли: «Если каждому явлению присущи свои уникальные аспекты, то у него имеются также повторяющиеся черты или характеристики, которые обнаруживаются у других явлений. В определенном смысле социокультурная жизнь и история никогда не повторяют себя; и все же, в других отношениях, они всегда в некоторой степени повторяются» [7, с. 238]. Суть этого тезиса более четко проясняется у Н. Бердяева, который, критикуя Г. Риккерта за абсолютизацию идеографического метода в историческом познании, пишет: «Ложна эта постановка проблемы в том отношении, что общее само может быть индивидуальным. Возьмем, например, понятие историческая нация. Это – понятие общее, но вместе с тем конкретная историческая нация есть понятие совершенно индивидуальное» [5, с. 13]. Иными словами, в самом факте уникальности событий фиксируется аспект повторяемости и наоборот.

Таким образом, был подвергнут сомнению один из основополагающих аргументов противников номологического единства истории. Но из этого следовало, что дисциплины, специализирующиеся на изучении аспектов повторяемости (называются ли они социологией, социальной философией, философией истории и т.д.), имеют не меньшее право на истину, как и любая идеографическая наука.

Впрочем, и в самом понимании исторического закона по-прежнему остаются вопросы: 1) можно ли создать представление об историческом законе вне его аксиологических, иррационалистических, социологических или антропологических трансформаций?; 2) если история складывается из уникальных культур, то как объяснить известную повторяемость в их развитии? Какова природа

этой повторяемости, если исключить всякие рассуждения об исторической судьбе?; 3) какой смысл мы должны вкладывать в понятие исторического закона: интерпретировать ли его как связь самих исторических событий, или как их связь с историческим целым, или как связь свойств самого человека, или как вспомогательный инструмент (средство) исторического познания?

Библиографический список

1. Сорокин П.А. Из рукописного наследия // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
2. Риккерт Г. Философия истории // Философия жизни. – Киев, 1998.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. – М., 1990.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 1990.
6. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993.
7. Сорокин П. Социокультурные флуктации: понятие и формы социокультурного процесса // Метафизические исследования. – Вып. 2. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского гос. ун-та. – СПб., 1997.